

О роли классического наследства в развитии категорий материалистической диалектики¹

Я хотел бы присоединиться к мыслям, которые высказаны Б.М. Кедровым, П.В. Копниным и А. Касымжановым. Они говорили, по-моему, о самом важном и наболевшем.

Если мы жалуемся на естественников, которые-де нас слушать не хотят, то это происходит не потому только, что мы не знаем естествознания, а потому, прежде всего, что мы в своей собственной области оказываемся не на должной высоте. Не хватает нам чаще всего вовсе не естественнонаучной, а именно философско-логической культуры, той самой культуры, на уровне которой мыслил Маркс в «Капитале», Ленин – в своих теоретических работах.

Поэтому меня немного беспокоят раздающиеся здесь то и дело разговоры такого рода, что всё в мире развивается, а почему же диалектика должна составлять исключение? Давайте и диалектику развивать, давайте одни категории выбросим, другие введём, третьи – заменим на кибернетические или еще какие-нибудь.

На первый взгляд это звучит хорошо. Но не слишком ли поспешно? Прежде чем развивать категории логики, надо дать убедительные доказательства, что вы уже владеете этими категориями хотя бы на том уровне, на котором владел ими Маркс в «Капитале». Когда вы это докажете и покажете, что они недостаточны, вот тогда развивайте.

А то может оказаться, что вам надо развивать не категории диалектики, а всего-навсего свои собственные представления об этих категориях.

Получается часто следующее. Те самые люди, которые в философии мыслили не так давно на уровне «четвертой главы», т.е. на очень популярном уровне, бросились «дополнять» свой философский багаж за счет некритически усвоенных, философски не переваренных понятий математики, кибернетики, математической логики – всего, чего угодно, только не настоящей философии. Стали искать решения задачи на пути так называемого обобщения успехов естествознания, а не на пути восстановления подлинно ленинских, подлинно марксистских норм, принципов и орудий работы в области философии, в области диалектики как логики и теории познания марксизма.

А на этом пути не могло получиться ничего, кроме сочетания премудростей четвертой главы «Краткого курса» с модными словечками, вроде «информации», «обратной связи», «алгоритма» и т.п.

История с кибернетикой в этом отношении очень типична... Замечательная вещь кибернетика, коммунизму нужная. Но зачем же превращать кибернетику в очередную кукурузу?

Мало мы ценим и мало уважаем собственную науку, ее теоретический багаж, ее специфическую роль в развитии познания, ее собственные методы анализа, ее исторически сложившийся арсенал понятий. Поэтому часто и пропагандируем сами же нелепое

представление, будто философия хороша тогда, когда тащится в хвосте за естествознанием, поддакивает всем высказываниям авторитетных естествовников, и называем это поддакивание «обобщением успехов естествознания».

Мне очень не понравилась нотка, прозвучавшая здесь в выступлении И.С. Нарского, когда он, пытаясь вести спор с Розенталем (в котором, безусловно, прав Розенталь), пренебрежительно отозвался о Гегеле. Что, мол, с ним считаться, с этим человеком, который не знал математики и даже-де презирал ее.

Не будем уж говорить о том, что, если судить по изданным работам, Гегель математику знал лучше, чем Нарский. Но, в отличие от Нарского, не молился на нее как на откровение, а пытался анализировать ее понятия с точки зрения категорий логики и потому смотрел на известные математические понятия иначе, чем сами математики. В чем он прав, в чем не прав – в этом надо тщательно разобраться. А по Нарскому, выходит, что в случае расхождения философа с математиком всегда прав математик, а аргументацию философа даже и рассматривать в этом случае не стоит.

Пока мы будем смотреть на философию как на служанку естествознания, а не как на равноправного товарища естествознания, никакого уважения к ней со стороны естествовников не будет.

Выступал здесь тов. Свидерский и говорил, что «качество» нынче нельзя понимать по-старому, что надо его понимать «по-новому». Как оно понималось «по-старому», т.е. в классической диалектике, включая Маркса и Ленина, он не счел нужным разъяснить. Зато, пытаясь объяснить «новое» понимание, он сделал выразительный жест руками, стараясь охватить ими как можно больше воздуха, и пояснил – это-де и «структура», и «отношение структуры к ее элементам» и так далее.

Это «развитие» категорий диалектики?

На деле просто выбрасывается добрая старая категория вместе с четко разработанным ее смыслом, связанная с формулировкой важнейшего закона диалектической логики, с критикой механистического миропонимания и метода и многими другими весьма серьезными вещами. А вместо нее подсовываются совсем другие понятия (кстати, тоже небезызвестные философии, но – другие). Категория «качества» при этом вовсе не «развивается», не «обогащается». Она просто исчезает, подменяется другими категориями, ничего общего с «качеством» не имеющими и похожими скорее на чисто количественные определения, на понятия современной математики.

От «качества» в итоге осталось одно слово, одно название. А смысл ему придан совсем обратный. Вот и попробуйте бороться с механицизмом, пользуясь этим «новым» определением «качества». Я думаю, такому «развитию» категории «качества» очень обрадовались бы и Степанов-Скворцов, и Сарабьянов, и все неумеренные поклонники кибернетики, видящие всюду одни «структуры», «отношения элементов» и прочие вещи, без остатка выражаемые цифрами и уравнениями.

Нельзя так легко бросаться категориями! «Качество» – в том его значении, в каком его понимал и употреблял в «Капитале» при анализе формы стоимости Маркс, – сохраняет свое методологическое значение и поныне. И давайте будем осторожнее.

То же самое мне хотелось бы сказать и тов. Кронроду. Он тоже слишком поспешно «развивает» категории «Капитала» и притом ссылается на «практику социалистического строительства».

Он полагает, будто «опыт строительства социализма в нашей стране» свидетельствует против положения Маркса о том, что в товар вообще превращаются только продукты независимых друг от друга, т.е. «частных», работ и что поэтому непосредственно-общественный характер труда и стоимостная форма продукта – это вещи несоединимые. Кронроду во что бы то ни стало хочется объявить товарную форму «имманентной формой непосредственно-обобществленного производства». Ради этого он и «исправляет» Маркса.

А всё дело в том, что Кронрод, как и некоторые другие экономисты, с некоторых пор стал рассматривать социализм не как первую фазу коммунизма, не как «недозревший коммунизм», в составе которого формы непосредственно-обобществленного труда переплетаются с формами прежней организации труда и диалектически-противоречиво взаимодействуют с ними, – а как особую и внутри себя завершённую формацию.

Для этого Кронрод вынужден пользоваться очень плохой логикой. Из того факта, что наше производство в целом, в общих его масштабах и контурах, уже обобществлено, он делает вывод, будто и каждое отдельное звено нашего хозяйственного организма тоже имеет непосредственно-общественный характер, что нет уже ни независимости отдельных – частных – работ друг от друга, ни центростремительных сил местничества и тому подобных явлений, и потому вместо реального анализа реальных противоречий нашего развития к коммунизму (в том числе между формами обобществленного труда и формами труда необобществленного) он и старается нарисовать идеальную непротиворечивую «структуру социализма», идеализирует реальность, вместо того чтобы ее исследовать.

Вот и получается, что, вместо того чтобы использовать категории материалистической диалектики в качестве остро отточенных инструментов критического анализа действительности и ее отражения в науке, мы начинаем эти категории просто приспособливать, прилаживать – как платье к фигуре – к эмпирическим фактам и к взглядам тех или иных современных естествоиспытателей или других деятелей.

Некоторым естественникам это, может быть, и нравится, ибо льстит их самолюбию. Я думаю, что, пока мы не выполним свою специальную работу, т.е. не восстановим полностью классическое теоретическое наследие диалектики, всё действительное богатство логических категорий, любая наша попытка вмешиваться в развитие естествознания останется попыткой с негодными средствами.

Очень важно позаботиться и о самом широком издании классиков мировой философии, которое было искусственно прервано в 1938 году. Наш народ заслужил то, чтобы иметь на своем родном языке все сокровища мировой философской классики. Это очень важно для повышения уровня теоретической культуры не только философов, но и самых широких кругов нашей партии.

¹ Выступление Ильенкова на «Совещании по современным проблемам материалистической диалектики» (1965).